

Друг, хоть и немец

Заглянуть в мир Владимира Набокова в пору, когда уже настала «осень патриарха», позволяет небольшая выставка «Набоков в Монтрё». В столичной библиотеке «Русское зарубежье» (той самой, куда передал свои архивы Александр Солженицын) впервые в Москве фотографии русско-американского классика показывает мэтр портретного жанра немец Хорст Таппе.

По сути, биограф Набокова с приставкой «фото», он постоянно снимал писателя на протяжении последних 15 лет жизни. Из многих сотен снимков, сделанных в Швейцарии, автор привез всего три десятка (они будут подарены музею Набокова в Петербурге). Но эти черно-белые фото, строгие и непафосные, обладают внутренней драматургией и превосходно отражают и облик, и даже характер «ненасытимого пожирающего книг», как называл себя их герой.

Знакомство завязалось случайно: однажды в 1962 году 20-летний Таппе зашел в отель к актеру Питеру Устинову, чтоб договориться о съемке, и вдруг услышал, как тот увещевает своих детей: «Не шумите, вверху господин Набоков пишет книгу...» «Я уже знал это имя, — рассказал мне Таппе, — но и не догадывался, что такой небожитель обитает рядом».

В тихий курортный городок Монтрё Набоков переехал в 1959 году и прожил там до смерти, там же и похоронен. Виллу или квартиру писатель покупать не стал, в одном из интервью объяснив это принципиальным нежеланием обзаводиться домом, раз уж он живет в изгнании. Таппе не разделяет эту патетическую точку зрения: жившему уединенно, вдвоем с женой, писателю было удобно в отеле «Монтрё-палас» — телефон, телекс и прочие средства связи всегда под рукой, не надо заводить секретаря. Этот отель — за спиной у четы Набоковых на снимке, который на первый взгляд может показаться идиллическим, и лишь потом замечаешь: эти люди — вечные странники, гости они и на этой скамейке в парке, а позади — ряды одинаковых балконов и вывеска гостиницы.

Вместе с Таппе мы попадаем в набоковский номер и видим его то в работе над рукописью, то за шахматной доской — вдвоем с Верой, то с альбомом бабочек в руках, а то и в минуту отрешенности на балконе, откуда открывается вид на Женевское озеро. Строгий, лишенный уютной «домашности» интерьер подчеркивает отчуждение писателя. Подтверждает это и Таппе: правда, он бывал только в двух комнатах из пяти (остальные были недоступны посетителям), но не замечал в номе-

ре каких-то русских сувениров, да и сам писатель сказал в одном из интервью: «То, что из нашего русского наследства уцелело лишь дорожный чемодан, и логично, и символично».

Таппе перевидал немало знаменитостей. Тихим голосом этот невзрачный с виду человек, изуродованный горбом, но при этом неутомимый путешественник, работающий во Франции, Англии, США, востребованный ведущими фотоагентствами и журналами «Вог» и «Ньюсуик», поведал мне, что был знаком с Пикассо и Шагалом, Стравинским и Дали, снимал Хичкока и Софи Лорен, переписывается с Гарсиа Маркесом... Но ни с кем, по его признанию, не складывалось отношений столь близких и доверительных — при всей разнице в возрасте, — как с «самым нелюдимым классиком XX века».

С годами Таппе стал настолько близок Набокову, что был допущен в святая святых — на охоту за бабочками. Кстати, туда стареющий писатель всегда, в любую погоду, отправлялся в шортах, говорит Таппе. Эпизоды в горах, где Набоков с сачком наперевес **(на фото)** устремляется за очередной невидимой нам обительницей Альп, дорогого стоят: цепко схвачена натура страстного, пусть и привыкшего к сдержанности человека.

Известно негативное отношение к немцам Набокова, чей брат погиб в концлагере, да и сам писатель был вынужден в 1940 году покинуть Европу, опасаясь за жизнь жены: Вера Слоним была еврейкой. «В каждом кельнере, подающем тебе пиво, может сидеть нацист», — признавался писатель, объясняя свое нежелание ездить в Германию. Он повторял, что среди немцев у него только трое друзей: «Мой издатель, мой переводчик, мой фотограф».